

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276
УДК 821.16.1

Научная статья

Пространственно-временная организация рассказа И.А. Бунина «Холодная осень»

Цзоу Вэньяо

Ланьчжоуский университет

Китайская Народная Республика, 730000, Ланьчжоу, ул. Тяньшуй, 222

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ хронотопа рассказа И.А. Бунина «Холодная осень». Этот текст с точки зрения пространственно-временной организации выстроен довольно необычно: он четко делится на три части, каждая из которых имеет свою характеристику. Время в рассказе представлено нелинейно, оно течет с разной скоростью – описание одного вечера героев максимально детализировано и занимает две трети рассказа, а вся остальная жизнь героини только одну треть. В целом повествование выстроено ретроспективно и ориентировано на воспоминания героини, поэтому многие даты даются косвенно. Пространство в рассказе строится на контрасте детального описания имения и локуса дома с абстрактным перечислением множественных перемещений героини за границей. Такая детализация событий, происходящих в России, и абстрактность пространства и времени за границей может быть связана с личным опытом автора: «Холодная осень», созданная в эмиграции, несет на себе отпечаток тоски и ностальгии по утраченной Родине самого И.А. Бунина. Пространственно-временная организация рассказа «Холодная осень» в данном исследовании вписана в контекст творчества И.А. Бунина, а также сравнивается с концепцией хронотопа, представленной Б. Пастернаком в романе «Доктор Живаго».

Ключевые слова: «Холодная осень», пространство и время, И.А. Бунин, Б. Пастернак, «Доктор Живаго»

Рассказ «Холодная осень» написан в мае 1944 года, когда писатель жил в оккупированной германскими войсками Франции, и потому несет на себе печать своего времени, проявляющуюся в поэтике и стилистике. У рассказа ретроспективная композиция, он строится как лирическое воспоминание о событиях жизни героини и ее страны. Исследователь М.Я. Дымарский говорит об этом так: «Сюжет рассказа оказывается встроенным в ситуацию речемыслительного действия воспоминания. <...> Ситуация воспоминания становится при этом единственным главным сюжетом произведения» [1. С. 204–205].

Текст может быть условно поделен на три части. Указание на время и место событий постоянно присутствует в повествовательных фрагментах: мы всегда можем с достаточной точностью определить, где и когда происходят изображаемые события.

© Цзоу Вэньяо, 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Деление на части и вычленение каждой из них упрощаются тем, что любая часть обязательно начинается с указания на время: «В июне того года...» (первая часть); «Через месяц в Галиции» (вторая часть); «И вот прошло с тех пор целых тридцать лет...» (третья часть).

Первый временной сигнал этого рассказа появляется уже в заглавии. В небольшом по размеру отрывке первой части рассказа, в двух первых абзацах, указание на точное время действия встречается четыре раза: 15 и 16 июня (убийство австрийского кронпринца Фердинанда и сообщение об этом газете), 12 и 19 июля (Петров день и объявление Германией войны России). Кроме того, в самом начале рассказа «Холодная осень» также есть указание на конкретный месяц: «В июне того года он гостил у нас в имении...». Интересно, что в ряду названных исторических событий появляется особое обозначение «Петров день». С одной стороны, этот православный праздник связан с конкретной датой (29 июня по старому стилю и 12 июля по новому), а с другой, день святых апостолов Петра и Павла имеет символическое значение – с ним связывают начало летних свадеб по народному календарю. А в рассказе это день именин отца (и единственное указание на конкретное имя героев рассказа) и момент представления гостям жениха главной героини.

Два ключевых лексико-семантических поля рассказа «Холодная осень» – пространство и время. Лексика, связанная с категорией времени, образует тематические единства:

1) названия времен года: холодная осень, удивительно ранняя и холодная осень, по-осеннему (светят окна);

2) слова, обозначающие даты: тот год, в июне, пятнадцатого июня, утром шестнадцатого, девятнадцатого июля, в сентябре;

3) слова и словосочетания, обозначающие время суток: за обедом, всего на сутки, после ужина, в тот вечер, этот вечер, утром;

4) слова и словосочетания, косвенно указывающие на время событий: убили в Сараеве Фердинанда, на Петров день, Германия объявила России войну, перед отъездом на фронт, пора спать, черное небо, восход луны, времена наших дедушек и бабушек.

Как было отмечено выше, с одной стороны, повествователь очень точно указывает время действия происходящих событий, но с другой – он нигде прямо не называет год начала действия: рассказ начинается со слов «в июне того года». Словосочетание «тот год» погружает читателя в воспоминание героини, но не дает точного указания на дату. Читатели узнают о времени действия рассказа косвенно, из следующих слов: «пятнадцатого июня убили в Сараеве Фердинанда», «девятнадцатого июля Германия объявила России войну...». Эти два события помогают с максимальной точностью определить время действия первой части рассказа – 1914 год, начало Первой мировой войны.

Однако возможно и другое истолкование отсутствия прямого указания на временной интервал происходящих событий: поскольку перед нами внутренний монолог героини, ее частное воспоминание, то ей нет необходимости проговаривать дату для себя. Она прекрасно помнит и знает, в каком году резко изменилась ее судьба. Таким образом, в рассказе используются два условных типа времени: биографическое (личное) и историческое. Как правило,

биографическое время входит в состав исторического, они не часто оказываются в ситуации противопоставления. Но в данном случае под биографическим понимается время, окрашенное личностным восприятием героини, текущее по своим особым законам.

Помимо того, что время в рассказе нелинейно, оно еще и течет с разной скоростью: подробно, детально описан единственный важный и счастливый вечер в судьбе героини, как будто он длится намного дольше, чем вся остальная жизнь, которая словно поставлена «на перемотку» – она проносится в один миг. В этом фрагменте даже нет подробной детализации, все события просто перечисляются, приводятся безликим списком. Если говорить о соотношении частей, то описание одного дня занимает две трети текста, а всей остальной жизни – всего одну треть, то есть в два раза меньше. Н.А. Николина в своей книге «Филологический анализ текста» называет этот прием «концептуализацией времени» [2]. Под концептуализацией исследовательница понимает особое представление о времени в рамках индивидуальной или народной картины мира. Это может проявляться через комментарии повествователя, использование особых художественных приемов, субъективное членение временного потока, противопоставление различных временных планов.

Яркий пример концептуализации времени – размышление о тридцати годах жизни героини, которые пролетели, прошли, как ненужный сон: «И вот прошло с тех пор целых тридцать лет. И многое, многое пережито было за эти годы, кажущиеся такими долгими, когда внимательно думаешь о них, перебираешь в памяти все то волшебное, непонятное, непостижимое ни умом, ни сердцем, что называется прошлым» [3. С. 248].

Этот фрагмент представляет собой не столько воспоминания о прожитой жизни героини, сколько общие мысли о жизни и памяти. Он перекликается с другими размышлениями в рассказе, где женщина противопоставляет единственный вечер всем последующим годам ее жизни: «Но, вспоминая все то, что я пережила с тех пор, всегда спрашиваю себя: да, а что же все-таки было в моей жизни? И отвечаю себе: только тот холодный осенний вечер. Ужели он был когда-то? Все-таки был. И это все, что было в моей жизни – остальное ненужный сон» [3. С. 249].

Надо сказать, что такой подход к изображению времени наблюдается не только в этом произведении И.А. Бунина. Так, в рассказе «Солнечный удар» время тоже течет по своим особым законам, то замедляясь, то ускоряясь. Основные события текста укладываются меньше, чем в сутки: герои встречаются после обеда на палубе (причем женщина подчеркивает, что три часа назад они даже не догадывались о существовании друг друга), сходят на берег, проводят вместе ночь, а в десять утра следующего дня расстаются навсегда. Герой приходит в ужас от осознания того, что ему придется провести без нее целый день, этот «бесконечный день», как он его называет. То есть время сразу же замедляет свой бег после расставания героев рассказа и тянется мучительно медленно. Безымянный герой вспоминает свой вчерашний день и утро так, словно они были десять лет назад, а последняя строчка рассказа сообщает о том, что в конце этого бесконечного дня он чувствовал себя постаревшим на те же самые десять лет. Следовательно, для И.А. Бунина во многих его про-

изведениях время обладает разной степенью концентрации: иногда годы укладываются в мгновение, а порой один день длится вечность.

В двух первых абзацах рассказа «Холодная осень» четыре точные даты, названные выше, создают исторический фон происходящего: события следуют одно за другим, временные точки сменяются очень быстро. Со слов «В сентябре он приехал к нам всего на сутки...» до конца первой части время движется в границах жизни одной семьи. Художественное время в этой части повествования идет и быстро, и медленно одновременно: время ускоряется, потому что война стремительно наступает и врывается в судьбы людей. Кроме того, перед отъездом героя времени для близкого человека катастрофически не хватает: оно замедляется, потому что для героини каждое мгновение, проведенное вместе с женихом, очень дорого.

Таким образом, с помощью прямого и косвенного обозначения времени писатель создает образ неустойчивого мира, который стремительно движется к своему страшному концу. Необратимость и стремительность движения времени выражены не только с помощью обозначения дат сменяющихся событий, но и с помощью ритмико-синтаксической организации текста, его абзацного членения. Первые три абзаца текста имеют схожую ритмико-синтаксическую организацию: каждый начинается с обозначения времени происходящих событий.

Концепция времени и истории И.А. Бунина отчасти схожа с историко-софской концепцией Б. Пастернака в романе «Доктор Живаго». Оба писателя обращаются к проблеме частного человека в переломную историческую эпоху. Главный герой романа Б. Пастернака ощущает историю как данность: в романе существует несколько планов (один из них – внешний, повествующий об истории жизни доктора Живаго, другой – внутренний, отражающий духовную жизнь главного героя). Пастернаку важнее представить не события жизни героя, а его духовный опыт. В связи с этим основная смысловая нагрузка в романе «Доктор Живаго» переносится с событий и диалогов персонажей на их внутреннюю жизнь. Юрий Живаго отстаивает право личности укрыться от истории, не замечать ее, не участвовать в ней, но история постоянно врывается в его жизнь и не оставляет ему такой возможности. В частную жизнь героини рассказа И.А. Бунина история тоже вмешивается очень грубо и меняет ее в корне.

Во второй части рассказа время идет очень быстро. По сравнению с первой частью, во второй слова и словосочетания, составляющие лексикотематическое поле «время», отличаются конкретностью: точно названы даты происходящего и обозначены их исторические приметы.

В третьей части рассказа время также дается не линейно, а так, как сохранила его память. С последней встречи героев прошло тридцать лет, из которых более и менее зафиксирована лишь весна восемнадцатого года до апреля, когда состоялся отъезд в Екатеринодар. Перед нами главная антитеза рассказа, на которой «держится» художественное время: «несколько дней – и вся жизнь». Чем шире хронологические рамки, тем неуловимее реальное ощущение пустого времени, незаполненного событиями.

Особое значение в хронологии рассказа имеют «временные провалы», как называют их А.И. Ильинова, Т.Е. Милевская, К.А. Рогова [4], на фоне которых более заметно выступают описываемые события. Временные провалы в рассказе практически совпадают с паузами в речи героини. Например, в рассказе написано: «Убили его – какое странное слово! – через месяц, в Галиции». В этом предложении словосочетание «через месяц» обозначает одну из пауз развития сюжета. После этого месяца жизнь героини совсем изменилась: ее возлюбленный умер, до наступления весны восемнадцатого года уже не было в живых ее родителей. Вышеупомянутые исследователи выделяют в рассказе И.А. Бунина три «временных провала», которые сосредоточены в зачине и центральной части рассказа. Первый такой провал между 16 июня и 12 июля возникает как реакция на слова отца: «*Это война!*». Второй – между серединой июля и началом сентября связан с последним вечером героев. Третий длится от утра прощания до гибели возлюбленного. В тексте хронологические «затмения» отмечены многоточиями. Точка зрения авторов об отрезках «временных провалов» убедительна, хотя и не бесспорна. По нашему мнению, только третья пауза, собственно, и может быть названа «провалом» времени. Она используется И.А. Буниным как способ создания сюжетного напряжения.

Жизнь героини от Ниццы 1912 года до Ниццы 1944 года представляется собой «круговорот» времени. Перед войной в 1912 году у героини была любовь и полноценная семья, а в 1944 году у нее уже ничего не осталось. Жизнь героини – «*ненужный сон*», изредка прерываемый незначительными эпизодами, как бы выплывающими из глубины подсознания. Характерно, что дальше в тексте никак не описаны ни революция, ни Гражданская война, ни Вторая мировая война, ни даже смерть родителей, события проходят будто бы «по касательной» относительно восприятия героини. Возможно, такая детализация событий, происходящих в России, и абстрактность времени за границей была связана с личным опытом автора: «Холодная осень», созданная в эмиграции, несет на себе отпечаток тоски и ностальгии по утраченной Родине самого И.А. Бунина.

Написанный в том же году рассказ «Чистый понедельник», вероятно, также связан с ностальгическим настроением писателя: подробные описания московских реалий продиктованы желанием сохранить их в памяти и на бумаге, не дать воспоминаниям о России раствориться. При этом рассказ «Чистый понедельник» не очень типичен для И.А. Бунина с точки зрения временной организации – здесь время обозначено точно (это 1911–1912 годы), а не абстрактно, как во многих других рассказах.

Художественное пространство в рассказе «Холодная осень» организовано по тем же законам, что и художественное время.

Лексику, обозначающую пространство в этом тексте, можно разделить на две группы:

1. Лексика с общим значением «удаленное неопределенное пространство»: сюда относятся названия городов и стран (*пробыли на Дону и на Кубани, из Новороссийска в Турцию, в Крым, к Врангелю, в Константинополе*), а также абстрактное определение «*где только ни скиталась...*».

2. Слова с общим значением «конкретное, близкое пространство»: например, *в имени, из кабинета в столовую, за чайным столом, обернулся к дому, опустевший дом + прихожая, сад и пр.* Эти слова раскрывают целостную картину жизни семьи.

В рассказе есть прямое указание на место действия первой части с первых же строк: «*В июне того года он гостил у нас в имении*». Слово «имение» является пространственным и социальным ориентиром всего последующего описания, дает нам информацию о социальном статусе героев: очевидно, речь идет о богатой дворянской, помещичьей семье. Кроме того, оно организует группу тематически и ассоциативно связанных с ним слов (например, *из кабинета в столовую, за чайным столом*), которая образует наглядно-изобразительный пространственный план первой части текста.

Хотя автор нигде прямо не пишет о духовных связях, цементирующих семейный «микрокосм», он создает образ этих связей через описание образа пространства, в котором живет героиня, – дом (имение), состоящий из кабинета, столовой, чайного стола, балконной двери, сада, прихожей, чернеющих сосен, балкона, окна, крыльца, комнаты, – повседневного и дорогого каждому члену семьи, формирующего ее целостность.

Важной символической деталью рассказа становятся звезды, которые по ходу действия как бы «*оппадают*» на землю. Сначала их ледяное сверкание на черном небе замечает героиня через балконную дверь. В китайской культуре существует поверье, что каждая звезда – это душа человека, который уже прошел земную жизнь. Метафорически двумя деталями (звезды и образок) задана онтологическая вертикаль и в целом координаты бунинской художественной вселенной. Далее панорама описания постепенно сужается – повествователь концентрирует внимание на конкретных деталях описываемых объектов.

Во второй части текста жизнь героини связана со многими городами, в которых она жила и останавливалась. Здесь мелькание различных названий городов, постоянное изменение места жительства героини похоже на демонстрацию слайдов (*подвал, угол Арбата, путь по морю, Турция, Европа, Ницца*), то есть это беспокойный, динамичный процесс. Возникает контраст между первой, где жизнь героини представлена в мельчайших подробностях повседневной жизни в замкнутом локусе дома, и второй частями. Отсюда создается впечатление, что в развитии сюжета отсутствует логичность, а перемещения героев не всегда мотивированны. По мере географического расширения пространства его наполнение реальными деталями катастрофически сужается.

Исследователи отмечают, что в композиции произведения наблюдается разительный контраст: «абзацная расчлененность первой части с ее событийным характером соседствует с единственным абзацем второй, в котором дан сплошной, без выделения значимых для героини периодов, монолог о ее жизни “после России”» [5. С. 15]. Контраст заключается еще и в том, что в первой половине рассказа при абстрактном указании на место происхождения (не до конца ясно, где именно расположено имение героев) его описание максимально конкретизировано, а во второй части конкретность перечисляемых мест практически ничего не дает для их пространственной характери-

стики – она остается абстрактной. В первой части все действия рассказа связаны с родовым именем героини, что позволяет выделить тему дома как ключевую в организации художественного пространства первой части произведения. Е.Г. Рачкова в статье «Особенности хронотопа в рассказе» пишет: «Сравнение временных и пространственных характеристик позволяет выделить общую для них закономерность: противопоставление локализованной хронологически и географически реальности нелокализованной безграничной вечности» [5. С. 13].

Также противопоставлены внешнее состояние мира накануне войны и внутреннее семейное состояние.

Надо сказать, что И.А. Бунин выстраивает пространство своих текстов по-разному: например, в рассказе «Солнечный удар» описание города максимально абстрактно. Мы знаем о нем только то, что он расположен на Волге и немного похож на Анапу, из которой возвращалась героиня. Отсутствие конкретики в именах и названиях работает на общую концепцию рассказа – Бунину необходимо подчеркнуть, что встреча героев и вспышка их любви носит случайный, иррациональный, немотивированный характер. А в рассказе «Чистый понедельник», наоборот, пространство максимально детализировано и конкретизировано, подробно представлены описания различных мест и реалий Москвы той эпохи.

Рассказ «Холодная осень» находится где-то посередине между двумя вышеназванными произведениями. В целом художественное пространство рассказа организует антитеза родных мест и всего мира. Так или иначе, очевидно, что И.А. Бунин подробно продумывал концепцию пространственно-временной организации своего рассказа и выстраивал под нее различные уровни текста: от композиции до лексики. Все это свидетельствует об особом внимании повествователя к теме времени, к которой плотно примыкает также пространственная характеристика рассказа.

Список литературы

- [1] *Дымарский М.Я.* Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб., 1999. С. 204–205.
- [2] *Николина Н.А.* Филологический анализ текста: учебное пособие. URL: http://www.xliby.ru/literaturovedenie/filologicheskii_analiz_teksta_uchebnoe_posobie/index.php (дата обращения: 3 февраля 2020 г.).
- [3] *Бунин И.А.* Темные аллеи. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
- [4] *Ильинова А.И., Милевская Т.Е., Рогова К.А.* Синтаксические особенности рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» // *Художественный текст: структура, язык, стиль.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 10–77.
- [5] *Рачкова Е.Г.* Особенности хронотопа в рассказе // *Художественный текст: структура, язык, стиль.* СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 13.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 апреля 2020 г.

Дата принятия к печати: 15 апреля 2020 г.

Для цитирования:

Цзоу Вэньяо. Пространственно-временная организация рассказа И.А. Бунина «Холодная осень» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25. № 2. С. 268–276. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276>

Сведения об авторе:

Цзоу Вэньяо, кандидат филологических наук, преподаватель Института иностранных языков Ланьчжоуского университета. E-mail: zouwenyao@mail.ru

DOI 10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276

Research article

Spatial and temporal organization of the story of I.A. Bunin “Cold Autumn”

Zou Wenyaο

Lanzhou University

No. 222 South Tianshui Road, Lanzhou, 730000, People’s Republic of China

Abstract. This article is an analysis of the chronotope in I.A. Bunin’s story “Cold Autumn”. From the point of view of the spatio-temporal organization, this text is built quite unusually: it is clearly divided into three parts, each of which has its own characteristic. Time in the story is presented non-linearly, it flows at different speeds – the description of one evening of characters is as detailed as possible and takes two-thirds of the story, and the rest of the heroine’s life is only one-third. In general, the story is built retrospectively and is focused on the memories of the heroine, therefore, many dates are given indirectly. The space in the story is based on the contrast between a detailed description of the estate and the locus of the house and an abstract enumeration of the heroine’s multiple movements abroad. This detailed description of the events taking place in Russia and the abstraction of space and time abroad may be related to the author’s personal experience: “Cold Autumn” which was created in exile bears the imprint of Bunin’s longing and nostalgia for the lost Homeland. In this study, the spatio-temporal organization of the story “Cold Autumn” is fitted into the context of I.A. Bunin’s works and is also compared with the concept of the chronotope presented by B. Pasternak in the novel “Doctor Zhivago”.

Keywords: “Cold Autumn”, space and time, I. Bunin, B. Pasternak, “Doctor Zhivago”

References

- [1] Dymarskij, M.Ya. (1999). *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst* [Problems of text formation and artistic text] (pp. 204–205). Saint Petersburg.
- [2] Nikolina, N.A. (n.d.). *Filologicheskij analiz teksta* [Philological analysis of the text]: textbook. Retrieved February 3, 2020 from http://www.xliby.ru/literaturovedenie/filologicheskii_analiz_teksta_uchebnoe_posobie/index.php
- [3] Bunin, I.A. (2019). *Temnye allei* [Dark alleys]. Moscow, Eksmo Publ.
- [4] Il’inoва, A.I., Milevskaya, T.E., & Rogova, K.A. (1993). Sintaksicheskie osobennosti rasskaza I.A. Bunina “Holodnaya osen” [Syntactic features of I.A. Bunin's tale “Cold autumn”]. *Hudozhestvennyj tekst: struktura, yazyk, stil'* [Artistic text: structure, language, style] (pp. 10–77). Saint Petersburg, SPbGU Publ.

- [5] Rachkova, E.G. (1993). Osobennosti hronotopa v rasskaze [Features of the chronotope in the story]. *Hudozhestvennyj tekst: struktura, yazyk, stil'* [*Artistic text: structure, language, style*] (p. 13). Saint Petersburg, SPbGU Publ.

Article history:

Received: 1 April 2020

Revised: 10 April 2020

Accepted: 15 April 2020

For citation:

Zou, Wen Yao. (2020). Spatial and temporal organization of the story of I.A. Bunin “Cold Autumn”. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 25(2), 268–276. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-2-268-276>

Bio note:

Zou Wen Yao, Ph.D., lecturer of College of Foreign Languages of Lanzhou University. E-mail: zouwenyao@mail.ru